

Мария накинула на плечи старую, изъеденную молью, шаль и бесшумно выскользнула из дома. Сумерки спустились на город, погруженный в тишину. В былые дни это время было самым подходящим для неспешных прогулок... Нарядно одетые горожане совершали вечерний променад; дамы стремились покрасоваться перед окружающими новыми шляпками; джентльмены постукивали тростями и лениво обсуждали погоду и цены. Тогда и Мария любила вот так прохаживаться с подругой Анной, хихикать и кокетливо улыбаться проходящим мимо молодым людям. Кажется, с тех пор прошло сто лет, хотя на самом деле минуло лишь несколько месяцев. Анна умерла, как и множество других горожан, богатых и бедных, молодых и старых... Стоял 1665 год. Свиристествовала чума.

Закончилась сытая и беспечная жизнь, теперь каждому выжившему приходилось бороться за свой хлеб. Каждый выживал, как мог. Кто-то хватался за любую, даже самую грязную, работу, кто-то воровал... Но не всем удавалось получить хоть самый мизерный доход, не у всех были на это силы. Мария, не имевшая в силу своего возраста (ей недавно исполнилось 18, и это был самый скорбный день ее рождения — в одиночестве, среди пустого дома, в вымирающем городе) никакой профессии, придумала лишь один способ не умереть с голоду, и за это решение каждый день проклинала себя, но иного выхода не видела. Разве что попрошайничать, но кто подаст ей, народ озлоблен, напуган, все голодают, все, не только Мария.

И вот сейчас, в сгущающихся сумерках, девушка шагала туда, где, как она успела выяснить, еще можно было встретить живых людей — к единственному в городе работающему кабаку, хозяин которого уже умер от «черного мора», и бразды правления пивнушкой перехватил его сын, щедушный паренек, каким-то чудом не дающий заведению пойти прахом. Люди пили, пьют и будут пить всегда. Даже во время чумы. А чем, если не вином, заглушить боль, притупить страх? Спасения не видно, так что терять? И некоторые горожане до сих пор шли в кабак, хоть таковых и становилось все меньше. Они отдавали тощему пареньку последнее, обменивая на вино любые вещи, от ставших ненужными детских распашонок до старинных драгоценностей.

Мария зашла в темную подворотню и из своего укрытия оглядела небольшую площадь. Раньше здесь толпился народ и стоял страшный гомон, теперь же перед кабаком шаталось лишь двое выпивох. Может, они не прочь поразвлечься, подумала Мария, и ее передернуло от отвращения. Она уже почти не боялась заразы, которая косила народ. Если до сих пор жива — значит, время еще не пришло...

— Добрый вечер, леди, — послышалось из-за спины, и девушка подпрыгнула от неожиданности. Позади нее, в темноте, кто-то был. Мария повернулась, оглушаемая ударами собственного сердца и не смогла выдать из себя ни слова. Глаза привыкли к темноте, и теперь она смогла разглядеть... Она уже видела эти страшные маски, словно придуманные для устрашения, а не для защиты. Клювастые маски, делающие людей похожими на кошмарных гигантских хищных птиц. Мария не могла видеть лица стоящего перед ней человека, не видела она и его рук, они были спрятаны под черными перчатками. Незнакомец был высокого роста, черный балахон скрывал его телосложение, но все равно было видно, что мужчина крупный, но не толстый. Его голос, искаженный маской, был глухим и странным.

— Кто вы? — хрипло спросила Мария, пытаясь справиться с липким, душащим страхом. Она догадывалась, что человек этот — доктор, но почему же она тогда его так боялась? Впрочем, он мог быть кем-то другим, например, посланником его величества, но зачем такой персоне понадобилась простая девушка, верней, теперь уже уличная девка?.. — Лучше скажи мне, кто ты. — Меня зовут Мария. — Мария, — странный человек неожиданно протянул руку и погладил девушку по волосам, от чего она едва не вскрикнула, но вовремя захлопнула рот. — Ты не боишься ходить по таким местам, Мария? Не боишься чумы? — Все боятся, сэр... но надо как-то жить, вот я и пытаюсь... — Ты торгуешь телом?

Мария стыдливо опустила глаза, но незнакомец взял ее за подбородок и заставил девушку смотреть на него через жутковатую вытянутую маску со стеклами для глаз. Но глаза она не рассмотрела. — Или я ошибаюсь? — Н-нет, сэр. Вы не ошиблись. — Ты не больна? — человек все так же держал Марию за подбородок, от чего у нее уже начало ломить шею. Девушка знала, что боль в шее — страшный признак, симптом чумы, но и понимала, что у нее боль совсем иного характера, от неудобного положения запрокинутой головы. — Я не... Вы ведь доктор, верно, сэр? Я правильно поняла? Может, вы скажете мне, больна я или нет... Но никакого недомогания я не испытываю и, видимо, пока здорова. Хотя... я... я не знаю. — Ты не выглядишь больной, Мария, — медленно проговорил мужчина. — Хочешь получить это? — он раскрыл ладонь и показал несколько монет. Мария ошеломленно закивала. Сумма была хорошая, этого ей хватило бы на несколько месяцев — несказанная удача! — Тогда иди за мной.

Они прошли вниз по улице и вскоре скрылись во дворе заброшенного дома, когда-то богатого, а теперь полностью разоренного. Там, во дворе, странный господин сказал ей: — Ты права, я — чумной доктор, и я дам тебе не только эти деньги, но и кое-что еще, если будешь послушной и не станешь задавать глупых вопросов. их пошире. Грубая широкая ладонь накрыла сокровенное место между бедер девушки и вдруг так сильно сжала, смяла плоть, что та вскрикнула, и доктор зажал ей рот рукой. Он ввел длинные умелые пальцы глубоко во влагище и стал двигать ими внутри вперед-назад, наслаждаясь тем, как там узко, тесно, горячо, влажно... Ему было неудобно в облегающих вощеных брюках, надетых под балахон, член одеревенел и отчаянно рвался на свободу, и мужчина, изрядно нервничая, спустил неудобные брюки, задрал черное одеяние.

Прижав Марию лицом к стене и заставив посильнее отставить попку, он раздвинул пальцами вход в ее мокрую пещерку и с размаху вогнал член внутрь, затем вынул и воткнул вновь. Лекарь все никак не мог решиться двигаться в ней по-настоящему, боясь кончить слишком быстро, боясь даже поверить в то, что наконец обладает женщиной, здоровой (судя по всему) и, кажется, чувственной женщиной, которая покорно позволяла делать все так, как он хотел... Сильные руки сжали аппетитные, хотя и немного костлявые, бедра, и доктор, теряя контроль, принялся долбить ее возбужденно-мокрую дырочку с таким остервенением, с каким никогда в жизни никого не трахал. Яйцам стало больно от шлепков по губкам и клитору девушки. Мужчина наматывал на кулак ее волосы, совал пальцы ей в рот, тискал и мял маленькие грудки, выкручивая покрасневшие и набухшие от неласковых прикосновений сосочки... Вскоре лекарь мучительно взвыл и почувствовал, как изливается в эту пусть блядскую, но такую желанную сейчас щелку, наполняя ее до краев... Понесет Мария или нет — это его не касается...

Он швырнул девушку на траву и, опустившись рядом с ней на колени, вытер ее длинными

волосами свой член, липкий и скользкий от ее выделений и собственной спермы. Мария, уже и боясь, глазела на причудливую маску и думала о том, как необычно складывается сегодняшний вечер. Ей очень хотелось взглянуть на лицо доктора, но девушка никогда не осмелилась бы попросить об этом. Что ж, зато она может видеть и ощущать его удивительно сильные и наглые руки, его большой и крепкий ствол, может через ткань гладить его массивные плечи и широкую грудь... От доктора исходила какая-то пугающая сила и мощь, незнакомая Марии раньше. Таких она никогда не встречала. Тем временем, мужчина широко развел ноги девушки, лежащей прямо на земле и с неожиданной нежностью стал ласкать ее раскрытую перед ним щелку, поглаживая каждую складочку, обнажая клитор, размазывая всюду прозрачную влагу и свою густую от длительного воздержания сперму. Девица была жуть как хороша, и врачу почти до боли захотелось поцеловать ее здесь, в этом самом сокровенном месте... но он не мог снять маску. Нет, не из боязни заболеть — он ведь и так уже смешал ее соки со своими — а из нежелания быть узнанным. Это было недопустимо. У него в распоряжении были лишь собственные руки и член, который уже, кстати, пришел в полную готовность.

Чумной доктор все ласкал и ласкал ее, становясь то нежным, то настойчивым; массировал торчащий бугорок клитора и гладил раскрытый в предвкушении вход... это длилось, пока Мария не схватила его руку и не прижала к себе крепко-крепко, а другая ее ладошка уверенно сжала его ствол, напряженный настолько, что вздулись вены. — Мне так хорошо с вами... мне стыдно, сэр... так стыдно... — простонала Мария, выгибаясь перед ним, как кошка, касаясь пальчиком уродливой маски... — Я не хочу, чтоб это заканчивалось...

Он снова и снова нанизывал ее на своей член, заставляя кричать, извиваться, содрогаться и пульсировать, течь и стонать... Вторая волна оргазма накрыла его, на мгновение лишив способности соображать. Хотелось вечно валяться здесь, прямо на земле, не двигаясь и ни о чем не думая... Но его ждали дела, сотни дел, сотни больных, бесконечный конвейер смерти и человеческих страданий... И мужчина протянул девушке руку, помогая подняться. Мария медленно оделась, в глазах ее теперь читалась печаль — расставаться с незнакомцем совсем не хотелось. — Вот деньги, — нарочито холодно проговорил врач, протягивая девушке монеты. Затем извлек из кармана мешочек и тоже вручил ей. — Здесь средство, которое поможет тебе, если заболешь. Лечения от чумы никто не знает, но можно облегчить страдания, для этого и нужно то зелье, что я тебе дал. Никому не отдавай его, это тебе. Надеюсь, оно никогда не понадобится тебе, Мария. Прощай. — А я надеюсь, что увижу вас снова...

Но встретиться вновь им было не суждено. Ни Мария, ни чумной доктор не подозревали, что по их жилам уже течет зараженная «черной смертью» кровь. Опий помог девушке облегчить страдания, но, голодная, одинокая и обессиленная, она все равно протянула лишь четыре дня, а тело доктора Голденсмита предали земле, не отпевая, ровно через неделю.